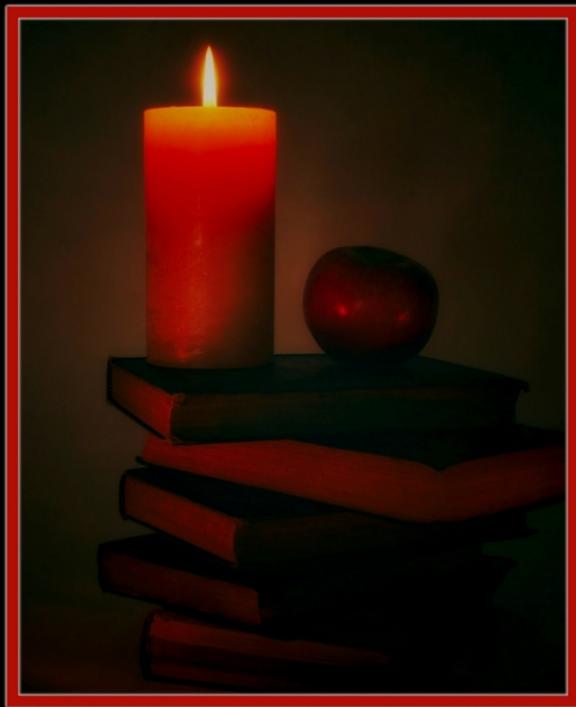


**Елена
Паленова**



Приворожённые

16+

Елена Паленова
Приворожённые
Серия «Сверхъестественное», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65329991

SelfPub; 2023

Аннотация

Безответная любовь — горькое чувство, порой толкающее нас на нелепые поступки, цена которых в итоге оказывается запредельной. Казалось бы, ну что такое приворот? Баловство, юношеская надежда изменить сложившийся порядок вещей... Лиза Семёнова даже не задумывалась о том, какие последствия может повлечь за собой её наивное желание исправить магией отношения с любимым человеком. Увы, в колдовстве, пусть и таком детском и простеньком, всё имеет значение — место, время, обстоятельства, опыт и знания ворожеи. Сколько бед может принести один простой заговор? Сколько судеб он может сломать? Сколько жизней искалечить? Героине предстоит узнать всё это и пройти через непростые испытания, чтобы попытаться исправить глупую ошибку молодости.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елена Паленова

Приворожённые

Глава 1

Поезд тронулся и медленно покатился по знакомому маршруту, оставляя позади мокрый перрон, нахохлившихся провожающих с зонтиками, освещённое вечерними огнями здание вокзала и... последние пять лет моей жизни. После вчерашнего скандала я заявила мужу, что хочу немного пожить у мамы, но, покупая билет, уже знала, что больше сюда не вернусь.

Ну не могу я так. Не жизнь это, а какой-то бесконечный кошмар. Вроде любим друг друга до безумия, но все пять лет брака как кошка с собакой — каждый день взаимные упрёки, претензии, ссоры. Макс то пьёт запоями, то депрессирует. То тянется ко мне, как к спасательному кругу, то брезгливо отталкивает. Вчера впервые поднял на меня руку.

Я предупреждала — ори, матерись, ломай мебель, бей посуду, если нужно выплеснуть негатив, но меня трогать не смей. Мне бытовухи и с первым мужем хватило. Макс поклялся, что никогда... А вчера не сдержался, ударил. Не потому, что я его чем-то оскорбила или обидела, а потому, что ему нужен был грандиозный скандал. До сих пор в ушах зве-

нит его возмущённое: «Стерва ты бесчувственная! Ни капли гордости. Тряпка! Подстилка! Нормальная женщина на твоём месте уже бы пощёчину мне влепила, а ты... Наори на меня хотя бы. Чего ты плачешь всё время и жертву из себя корчишь? Наори! Закати истерику! Надоели твои сопли!»

А потом прощения просил. Говорил, что жить без меня не может. Отговаривал от поездки. Руки целовал. Плакал... Не могу я так больше. Каждый раз одно и то же — фонтан противоречивых эмоций, обидные слова и упрёки, а потом раскаяние.

А я? Чем я лучше? Да, он не моет за собой посуду, но можно же было не напоминать ему об этом каждый день. Да, он сильно привязан к своей маме, но ведь это не повод называть мужа маменькиным сынком. Да, когда мы познакомились, он был совершенно другим, но ведь с тех пор прошло уже четырнадцать лет. Четырнадцать! Мы уже оба за это время успели по разу в браке побывать. Чего я ждала? Что он будет тем же милым, обаятельным юношей? Глупо. Время и жизненные обстоятельства всех меняют.

– Будете пирожки домашние?

Я оторвала взгляд от проплывающих за окном фонарей и удивлённо уставилась на попутчицу. Надо же, я так задумалась, что даже не заметила, как она вошла в купе. А она уже и сумки попрятала, и постель застелила, и ужин на стол выложила. Когда только успела? Вроде ж только со станции отбыли.

Посмотрев на часы в телефоне, я обнаружила, что с момента отправления прошло уже сорок минут. Женщина продолжала мне улыбаться, протягивая пирожок, от которого сладко пахло вишней. Стало ужасно неудобно, потому что я с ней, похоже, даже поздороваться не удосужилась, хотя всегда считала себя человеком вежливым. А она меня пирожками кормит, добрая душа.

— Спасибо, — я виновато улыбнулась и взяла угощение. — Извините, я задумалась и не заметила, как вы сели.

— Ой, ничего страшного, — отмахнулась она. — Будем знакомиться? Если не хотите, то так и скажите, я не обижусь. Просто я ужасная болтушка, а это не всем нравится.

Она была похожа на пухленькую фею из какого-то диснеевского мультика — пышная, розовощёкая, улыбчивая и хлопотливая. Серые волосы кудряшками уложены вокруг головы, на кончике носа очки, поверх которых светятся улыбкой и добротой живые карие глаза с сеточкой тоненьких морщинок-лучиков, уходящих к вискам. Я почему-то сразу подумала, что мне повезло с соседкой.

— Меня зовут Маргарита, — представилась попутчица, не дождавшись от меня ответа. — Без отчества. Не люблю официоз. Только прошу не называть меня Марго, а то мой братец из вредности назвал так свою французскую бульдожку и говорит теперь, что у неё характер лучше, чем у тётки, представляете?

— Я Лиза, — улыбнулась я, представив себе бульдожку по

имени Марго.

— Елизавета то есть, — прозвучало скорее как утверждение, чем как уточнение. — Две королевы в одном купе...

— Нет, просто Лиза. И я не королева, поэтому можно без «вы».

— Ой, нет. Этого пообещать не могу, потому что воспитание не позволяет. Вы мне, конечно, в дочери годитесь... Да вы ешьте пирожок-то, а то я вас совсем заболтала.

Я послушно сунула в рот сладкую сдобу и, пока дожевала пирожок до конца, узнала про свою спутницу, наверное, всё. Живёт Маргарита в Масловке, что в полутора часах езды на автобусе от станции, на которой мы, оказывается, выйдем вместе. У неё есть старшая сестра Ольга и младший брат Егор. Своих детей Бог не дал, поэтому Маргарита изливает нерастраченную любовь на родственников — брата, сестру, племянников и внучатых племянников. С сестрой они живут по соседству, душа в душу, а вот брат чурается сестринского внимания, хотя ничего, кроме добра, сёстры ему не желают.

За этим последовало долгое поимённое перечисление племянников и их детишек с красочными описаниями и впечатлениями. Я слушала и поражалась — как у тётки в её шестьдесят лет хватает сил столько трещать. Другая уже давно бы улеглась на своей полке и мирно посапывала, пока есть такая возможность. А эта... Может, ей дома и поговорить-то не с кем?

Удивительное дело, но эта непрерывная болтовня дей-

ствовала на меня умиротворяюще и почему-то располагала к диалогу, чего раньше за мной не водилось. Я вообще не слишком люблю о своей жизни рассказывать, потому что в ней довольно мало светлых пятен, а жаловаться постороннему человеку вроде как неприлично. А тут вот прямо захотелось поплакаться.

Да и что в этом такого? Вот мне точно поговорить не с кем. Матери с отцом я ничего о своих проблемах не рассказываю, потому что они изначально были против моего брака с Максом. Сочувствия от них не дождёшься по этому поводу. Подруг всех как-то растеряла, а в последнее время мне вполне хватало для общения друзей мужа, поэтому в чужом для меня городе я и вовсе себе не искала компанию. А здесь — попутчица-болтушка. Дар Божий. Она и выслушает, и посочувствует, и совет какой-нибудь бесполезный даст. Потом, правда, с сестрой наверняка мне все косточки перемоют, да какая мне-то разница? Обиды на жизнь уже столько накопились, что хочется просто выплеснуть её, причём неважно куда.

То-ли Маргарита почувствовала смену моего настроения, то ли у меня на лице отразились эмоции, но она вдруг перестала рассказывать о том, как её внучатые племяшки-двойняшки как-то раз раскроили дорогуший тюль себе на юбочки, и с авторитетным видом заявила:

– Нельзя ничего держать в себе. Не важно, плохое или хорошее. От этого нервная система портится.

— Да уж куда дальше-то портиться? — грустно улыбнулась я в ответ. — У меня и так уже осталась всего одна нервная клетка, да и та вдоль позвоночника.

— Вот и берегите её, — последовал совет. — Вообще себя надо любить. Люди такие вещи видят и чувствуют. Если вы сама себя не любите, то почему окружающие должны относиться к вам иначе?

— А с чего вы взяли, что я себя не люблю? — насторожилась я.

— Ну вас же кто-то обидел, это очевидно. А если вы позволяете себя обижать, значит...

— Да ничего это не значит, — я вздохнула и снова уставилась в тёмное окно.

Вот и поговорили... У меня, наверное, дар портить настроение себе и людям. В наступившей тишине явственно ощущалось желание Маргариты продолжить беседу, но мой мрачный вид лучше всяких слов говорил — отстаньте от меня и не лезьте в душу.

— А хотите я вам на картах погадаю? — предложила Маргарита спустя минут двадцать.

— А погадайте, — согласилась я, потому что чувствовала за собой вину в неожиданно возникшей между нами напряжённости.

Женщина просияла и немедленно достала из своей сумочки потрёпанную колоду самых обычных игральных карт. Она предложила мне выбрать одну карту, положила её на столик

рубашкой вниз и, закусив кончик языка, принялась наугад доставать и раскладывать по кругу остальные, пока не выложила двенадцать штук.

— О прошлом тоже рассказывать? — уточнила Маргарита.

— Естественно, — кивнула я. — Ведь если вы скажете неправду о прошлом, то и будущее предскажете неверно.

Ой, не переживайте, я с детства гадаю и ещё ни разу не ошиблась. Вот, смотрите, — она ткнула пальцем в трефового короля, — этот мужчина был в вашей жизни раньше. Связь была недолгой, без любви, и вы быстро расстались. Нехороший человек. Много зла вам сделал. От него у вас ребёночек должен был родиться, но не получилось. Болезнь потом была. Тяжёлая. Верно?

— Пока вроде да, — пожала я плечами, понимая, что такое можно каждой женщине сказать с минимальным риском ошибиться.

— А вот этот мужчина, — Маргарита показала на карту, где был изображён бубновый валет, — в вашей жизни лишний. Он пришёл из прошлого и есть сейчас, но его быть в настоящем не должно.

— Как это? Умереть что-ли должен был?

— Нет, не умереть... — она постучала пальцами по подбородку и задумчиво сдвинула брови. — Понимаете, все эти карты между собой связаны. Вот ваш карьерный путь. Сначала он был прямым и ровным, но потом вы встретили этого человека, и всё рухнуло. А потом вы расстались, и снова

всё пошло ровно, но вот опять дорога к нему, и снова всё рухнуло. А вот это ваши отношения с близкими. Они тоже портились всякий раз, когда судьбы ваша и этого мужчины пересекались.

— А моя карта где? — уточнила я, поскольку на столе не оказалось ни одной дамы.

— Ну как же? — удивилась Маргарита и ткнула в пиковую восьмёрку, которая лежала в центре. — Вот она. Бесконечные страдания и постоянный возврат к прошлому. И в будущем всё то же самое. Так и будете ходить по замкнутой линии, никуда не двигаясь. Ни детей, ни счастья, ни богатства...

— Ну спасибо, успокоили, — я скривилась и снова отвернулась к окну. — Как не было нормальной жизни, так и не будет. Весьма оптимистичный прогноз. Только вот ошиблись вы, не буду я по кругу ходить, как пони на верёвочке. Не будет в моей жизни больше этого мужчины.

— А это от вас не зависит, вы всё равно к нему вернётесь, — заявила попутчица с виноватым видом, как будто это из-за неё на меня сыпались несчастья, как горох из прохудившегося мешка. — Вот ваша дорога в настоящем от него, а вот опять к нему. И так всегда будет. Приворожённые вы. Против воли ваши судьбы связаны, потому и счастья нет.

Глава 2

Это было так давно и такой глупостью, что я бы и не вспомнила, если бы гадалка Маргарита не сказала про приворот. Мне только исполнилось семнадцать, я окончила школу с отличием и поехала поступать в институт. Родители хотели, чтобы я училась где-нибудь в родном городе, но меня понесло за тысячу километров, хотя факультет психологии был и в нашем универе. Наверное, просто перемен захотелось, свободы.

Отец особо не возражал, но мама была ужасно расстроена, будто я не учиться ехала, а на гильотину шла. Уж как она меня только не отговаривала... Только в одном я ей уступила — позволила снять для меня однокомнатную квартиру, хотя изначально хотела жить в общежитии.

Хозяйка квартиры Тамара Борисовна оказалась милой и добродушной женщиной. Она разрешила мне подселить ещё одну девочку, если мне станет скучно, но предупредила, что по соседству живут старики, и поэтому лучше не шуметь и вечеринки не устраивать. Да какие вечеринки? Я собиралась добросовестно учиться, чтобы получить диплом и пойти работать психологом куда-нибудь в школу или детский сад.

Так и было до конца первого семестра — учебники, курсы, лекции, библиотеки... Вечером приходила домой, падала на диванчик, полчаса лежала пластом, а потом снова тя-

нулась за книгами. Спасибо, что в квартире было всё необходимое — мебель, холодильник, стиралка-автомат. И личное пространство.

Первые пару месяцев я подумывала о том, чтобы позвать в соседки кого-нибудь из однокурсниц, но потом поняла, что это будет отвлекать меня от учёбы, а у меня была цель, и тратить время на вечернюю болтовню за чашкой кофе не хотелось. Даже Новый Год не праздновала, хотя ёлочку искусственную всё же нарядила — традиция же.

А потом появился Макс. Как-то поздно вечером я вернулась из библиотеки, а у меня в квартире на диване спит незнакомый парень. Я сначала хотела позвонить в милицию, которая тогда ещё была милицией, а не полицией, но потом сообразила, что входная дверь была заперта. Он открыл её своим ключом, который потом оставил на этажерке в прихожей.

Позвонила Тамаре Борисовне. Оказалось, что это её старший сын. Они поругались, и Максим ушёл из дома, заявив, что будет жить в своей квартире. Я даже не знала, что эта квартира на него оформлена, а не на Тамару Борисовну. Наличием у хозяйки детей как-то не интересовалась.

Делить единственную комнату с незнакомцем, хоть он и чей-то там сын, в мои планы, естественно, не входило, о чём я немедленно сообщила хозяйке, напомнив о том, что квартира оплачена ещё на полгода вперёд. «Да ты не волнуйся, Лизонька, он хороший. Перебесится пару дней, и всё. Не

первый раз уже такое» — услышала в ответ. Легко сказать — не волнуйся! Это же не у неё в постели незнакомый мужик дрыхнет. А у меня завтра экзамен, между прочим!

Выбор был невелик — искать ночлег где-нибудь у знакомых девчонок или спать на неудобной кушетке в одной комнате с этим... Я пошла третьим путём. Взяла подушку и ушла спать в кухню. Сидя. Дала себе зарок утром растолкать незваного гостя и потребовать, чтобы он избавил меня от своего общества, но умудрилась так крепко заснуть, что услышала только стук закрывшейся за ним двери и сразу после этого — кукареканье моего будильника.

Со злости даже не заметила, как сдала экзамен на отлично, хотя философия никогда не была моим коньком. Вернулась домой и села ждать. Целую разгромную речь приготовила и раз сто отрепетировала, но Максим так и не появился. И на следующий день тоже. Зато позвонила его мать и сообщила, что я могу больше не волноваться, поскольку «мальчик вернулся домой».

Это было, конечно, замечательно, но на регулярной основе такие выходки я терпеть не собиралась и потому сообщила хозяйке о своём намерении искать после сессии другое жильё. А он пришёл через два дня с извинениями, букетом цветов и коробкой конфет. Пришёл и остался в моей жизни, потому что я влюбилась с первого взгляда. Не в спортивную высокую фигуру, не в красивое лицо с обаятельной улыбкой, а в искренний извиняющийся взгляд его голубых глаз.

Это было настоящим безумием. Всё потеряло смысл, кроме единственного желания — чувствовать, что Макс рядом, прикасаться к нему, слышать его голос и никуда от себя не отпускать. Сессия... Да какая там сессия, когда тут такое счастье? Педагоги дружно качали головами, удивляясь, как здравомыслящая, целеустремлённая отличница всего за несколько дней превратилась в бестолковую мечтательницу, витающую где-то в облаках. Нажаловались родителям, те приехали меня вразумлять.

Куда там! У меня была любовь! Такая яркая и всепоглощающая, что всё полыхало на её пути. С горем пополам сдала оставшиеся экзамены и зачёты. На каникулы домой не поехала, потому что Максим обещал устроить мне насыщенную культурную программу с походами на концерты местных талантов, в музеи и даже с пикником на природе, хотя на дворе стояли морозы.

Он был моим первым мужчиной и уверял, что я тоже у него первая. Замуж позвал, хотя нам обоим было по семнадцать — мы родились с ним с разницей в один месяц, я в апреле, а он в мае. Решили пожениться летом, когда станем совершеннолетними и сможем обойтись без согласия родителей. Его-то мама была от меня в полном восторге, а вот мои родители категорически возражали. Причём дружно, что с ними случалось крайне редко.

Жили мы вместе в той самой квартире. Тамара Борисовна даже деньги мне вернула, так радовалась, что её мальчик

наконец-то влюбился. К концу первого курса в институте на мне уже поставили крест — я постоянно опаздывала на лекции или не приходила вовсе. До сессии меня не допустили из-за пропусков, а потом и вовсе отчислили. А мне было плевать. У меня был Максим, а всё остальное не имело значения.

Свадьбу мы запланировали на август. В армию Макса не взяли из-за проблем с позвоночником, который он повредил ещё в детстве, когда попал с родителями в аварию. Да, он не мог носить меня на руках, но мне это и не нужно было. Мы наслаждались каждым мгновением рядом друг с другом, радовались каждому дню и строили планы на совместное будущее.

Чёрт меня дёрнул проверить чувства будущего мужа на прочность. Точнее, это был не чёрт, а продавщица из магазина неподалёку, куда я устроилась уборщицей, потому что без образования найти другую работу было сложно. Рита посоветовала уделить немного внимания кому-нибудь из друзей Макса и посмотреть, будет он ревновать или нет. Если будет — значит не доверяет, и долго мы вместе не проживём.

Откуда мне было знать, что несколько невинных улыбок лучший друг Максима воспримет как приглашение к чему-то большему? Припёрся в гости пьяный, когда Макс был на суточном дежурстве, начал приставать, а когда получил по физиономии, то демонстративно улёгся спать на нашем диване.

К утру вся квартира провоняла перегаром, но добудиться гостя я так и не смогла. Ушла на работу, а когда вернулась... Макс ушёл. Уехал жить к матери. Друг наплёл ему какую-то чушь, что мы переспали, а он и поверил.

Всё сломалось. Не было больше ни радости, ни надежд на светлое завтра. Я в лепёшку разбивалась, доказывая, что ничего не было, что это всё наглое враньё, даже очную ставку им устроила и потребовала, чтобы Кирилл сказал Максу правду, но он снова соврал. Нагло, грязно и подло.

Меня попросили съехать с квартиры. Тамара Борисовна верила мне, но не хотела портить отношения с сыном. Я нашла новое жильё и унижалась ещё почти год, отбиваясь параллельно от навязчивых ухаживаний Кирилла, но в ответ получала только презрение.

Когда до меня наконец дошло, что вернуть Максима не получится, я уехала домой, к родителям. Повинилась, признала собственную глупость и недалёковидность, поплакала, и меня простили.

Потом был техникум, где я познакомилась с Дашкой — весёлой девчонкой с небольшим прибабахом на почве экстрасенсорики, магии, заговорах и прочей чепухе. Она и надумила меня приворожить Максима. Причём разными способами, чтобы наверняка.

Сначала я звала его в открытую форточку по вечерам. Выключала свет, сжигала в пламени свечи бумажку с нашими именами, открывала окно и тихо звала: «Максим!» Дашка

говорила, что мой голос вылетит в окно вместе с дымом, и магические силы донесут его до адресата.

Потом было сжигание в полночь на перекрёстке семян череды, завёрнутых, опять же, в бумажку с нашими именами и словами приворотного заговора. Потом — сигаретный пепел в носовом платке, который нужно было сунуть в лифчик со стороны сердца и носить так целые сутки. Хуже всего было то, что сначала мне нужно было выкурить сигарету с написанным на ней именем любимого. В моей семье никто и никогда не курил, а я тем более, но всё же стойчески перенесла кашель до слёз и последующую вонь от белья, которую нужно было терпеть целых двадцать четыре часа.

Последним пунктом в нашем списке приворотов было яблоко. Большое и красное, символизирующее сердце. Мне нужно было разрезать его пополам, вырезать сердцевину с семечками, вложить внутрь традиционную бумажку с нашими именами, соединить половинки, перевязать их красной нитью и сказать: «Как сохнет это яблоко, пусть сохнет раб Божий Максим по рабе Божьей Елизавете». После этого яблоко следовало спрятать так, чтобы его никто не нашёл, но при этом, чтобы оно именно сохло, а не гнило.

Техникум, колледж, неожиданно престижная должность в солидной компании, три года писем без ответа, а потом — письмо от Марины. «Оставь моего мужа в покое, дрянь...» — это всё, что я запомнила из того длинного и не слишком приветливого послания. Макс женился. У него сын.

Так больно мне не было даже тогда, когда он меня бросил. Я понимала, что поступаю глупо, что мне больше не за что бороться, но это был мой Макс. Мой! Я начала звонить его матери и болтать обо всякой ерунде в надежде, что она всё ещё относится ко мне хорошо, и не ошиблась. Тамара Борисовна рассказывала мне о моём любимом, радуясь рождению внука и тому, что Максим наконец-то перебесился после нашего разрыва и решил начать новую жизнь. Правда, с женой у них отношения не особо клеились, но ведь идеальных семей не бывает.

Я слушала, а потом полночи давилась рыданиями в подушку, стараясь, чтобы родители ничего не услышали. Макс отдал своё сердце другой, но я-то не могла вырвать его из своей души. Он был частью меня. Любовью всей моей жизни.

Вот такой разбитой и раздавленной меня и нашёл Олег. Подсел в парке на лавочке, спел под гитару какую-то весёлую чушь и пригласил пойти с ним в гости к друзьям, потому что все будут с подружками, а у него подружки нет. Он был так похож на Макса... Такой же высокий и красивый, такая же обаятельная улыбка, даже глаза такие же голубые. А ещё он тоже был человеком творческим — писал стихи и песни. На ходу сочинил для меня вполне удобоваримый романтический экспромт, чем и зацепил. Мне нужно было отвлечься, переключиться, вот я и переключилась.

Через два месяца мы поженились. Свадьба была скром-

ной, потому что муж мой оказался человеком весьма экономным. Он отговорил меня от покупки свадебного платья и золотых колец, а все подаренные нам деньги положил под проценты в банк. Это он мне так сказал. А на самом деле всё прокутил с друзьями.

Не знаю, куда подевался тот весёлый и обаятельный Олег, которого я знала до свадьбы, но замуж я вышла за чудовище. Жили мы у него, с родными видеться он мне запретил, заявив: «Забудь. Теперь твоя семья — я, а остальные все умерли». К маме с папой ездила тайком, но никогда не жаловалась. А он пил.

Каждый день попойка, полная квартира табачного дыма и пьяных друзей с не слишком культурными девицами. Гора немытой посуды, перевёрнутые пепельницы, разбросанные повсюду пустые бутылки, полуголые тела в нашей постели и на полу — таким был почти каждый мой вечер. Я работала, а он пропивал мою зарплату со своими дружками. Но он был так похож на Макса... Пусть только внешне, но мне этого хватало, чтобы на многое закрывать глаза.

Однажды я случайно назвала мужа Максом, и он меня избил. Я была на четвёртом месяце беременности. Была... После этого начались бесконечные воспаления и больницы, а промежутки между непродолжительным пребыванием в стационарах были заполнены побоями и унижениями. Олег превратился в зверя, который один раз почуял кровь, страх и слабость жертвы и уже не мог остановиться.

Но я всё равно шла домой. Знала, что снова буду избита пьяным мужем, но считала это наказанием мне за то, что пыталась подменить им Максима. Нельзя отречься от любви. Единственное, чего я желала — побыстрее умереть.

Так бы и случилось, если бы во время очередной попойки в нашей квартире не начался пожар. Я к тому времени уже лежала без сознания на полу в спальне. Два сломанных ребра, трещина в запястье, незначительные ожоги, отравление дымом, глубокая депрессия и полное отсутствие желания жить — такой вытащили меня доктора практически с того света.

Олег сел, но заявление на него написала не я. Это сделали мои родители. Я была под действием лекарств и плохо соображала, поэтому и выложила им всё, как было. На суде я тоже не была, потому что психиатр счёл, что это негативно скажется на моей и без того расшатанной нервной системе.

Год. Целый год мне понадобился, чтобы прийти в себя. А когда это наконец-то произошло, я развелась с Олегом и снова взялась за старое. Точнее, за телефон и долгие беседы с Тамарой Борисовной. Она больше не фонтанировала восторгом в адрес невестки. Марина превратила жизнь Макса в кошмар постоянными скандалами и претензиями. И началось это с тех пор, как он случайно назвал её моим именем.

Он не забыл меня. Сколько бы между нами не было людей, обстоятельств, времени и километров, такую любовь, какая связывала нас двоих, невозможно было забыть. Я снова ры-

дала ночами, но уже от счастья. Если бы не его сын, мы с Максом могли бы быть вместе. Он жил с женой ради ребёнка, а я не имела права отнимать у мальчика отца.

Я решила, что буду ждать столько, сколько понадобится Макс, чтобы он понял, как я ему необходима. Я все эти годы безумно любила только его одного и собиралась и дальше любить. Пусть пока безответно, но я верила, что любимый вернётся ко мне.

Прошёл ещё год. Я вернулась на работу, и жизнь потекла своим чередом. Родители успокоились и перестали бояться, что я сотворю с собой что-нибудь ужасное. И тогда позвонил Макс.

– Лиз, прости меня, дурака. Приезжай, пожалуйста. Я без тебя не могу.

Это был день моего рождения. Мне исполнилось двадцать шесть. Восемь лет я ждала этих слов...

У мамы случилась истерика. Папа заявил, что знать меня не хочет. А я уволилась, покидала в сумку вещи и села в поезд, который вёз меня на встречу с любимым. Я не собиралась возвращаться назад, потому что верила, что всё у нас теперь будет хорошо.

С тех пор прошло пять лет, но ничего хорошего так и не случилось. Между нами больше не было нежности и романтики. Это даже любовью было сложно назвать. Потребность друг в друге и постоянное желание уязвить друг друга сильнее. Мы будто соревновались, кто кого доконает пер-

ВЫМ.

Я неожиданно для самой себя нашла в Максе кучу недостатков. Самовлюблённый эгоист, неряха, скандалист. Только вместо того, чтобы открыто предъявлять претензии, я медленно пилила его, доводя до белого каления. Иногда понимала, что он меня дико раздражает, и сама пугалась этого. Я так долго хотела быть с ним, но у нас ничего не получалось.

Ему тоже было непросто. Живя с первой женой, он привык к постоянным скандалам и ждал того же от меня, но я боялась громких ссор. Я боялась, что Макс тоже станет бить меня, как это делал Олег. Стоило ему повысить голос, и я тут же начинала плакать. Это получалось как-то само собой, неосознанно. Всё же печальный опыт супружеской жизни сказался на моей психике не лучшим образом. А ещё я боялась, что он меня снова бросит, и от этого плакала ещё больше.

Мы прожили гражданским браком почти год, а потом поженились. Тихо, без гостей и праздника. Просто съездили на автобусе в ЗАГС и расписались. Тамара Борисовна этого очень хотела. Она вообще после моего приезда стала занимать в нашей жизни слишком много места. И поучать меня взялась, чем её сыночка надо кормить, каким моющим средством мыть полы, как часто драить газовую плиту, как раскладывать вещи в шкафу... Всего один раз я попросила её не вмешиваться, и Макс закатил мне такой скандал, что у меня чуть снова крыша не поехала.

Мы оба очень сильно изменились, причём не в лучшую сторону. Находили причину поссориться даже по мелочам, на которые много лет назад вообще внимания не обращали. Я неправильно глажу постельное бельё, а он кладёт грязные носки в корзину, хотя я просила класть их сразу в машинку. Я потратила деньги на новые шторы, хотя старые никому не мешали, а он купил не тот хлеб. И так изо дня в день.

За день на работе мы успевали соскучиться друг по другу, но дольше, чем на час, нас не хватало — всегда находилась повод для взаимных упрёков. Макс кричал, я плакала, а потом мы наперебой просили прощения друг у друга и рассказывали о своей любви. Дети... Да мы последний год даже спали на разных постелях.

Как-то раз Макс вспомнил, что однажды открыл балкон, чтобы проветрить квартиру, и ему показалось, что я зову его с улицы. Я спросила, когда это было, и подсчитала, что где-то в это же время мы с Дашкой как раз экспериментировали с приворотами. Рассказала об этом мужу, посмеялись вместе, а потом он заявил, что я своим криворуким колдовством ему всю жизнь сломала. Обвинил меня во всех возможных грехах, обозвал больной ведьмой и уехал к матери на целую неделю. А потом при каждом удобном случае напоминал, что все его неудачи из-за меня.

Вчера, когда мы поссорились в последний раз, Макс заявил, что меня надо сжечь на костре, как поступали в старину. Я назвала его дураком суеверным, за что получила опле-

уху. На этом наша семейная жизнь закончилась, потому что жить с человеком, который способен поднять руку на женщину, я просто не могу.

— А ведь он прав, милая, — сочувственно вздохнула Маргарита, собирая карты со столика. — Черета на пере-крёстке и сигареты — это баловство бессмысленное. Позвать человека в форточку или в печку тоже не ахти какая магия, а вот с яблоком нельзя было...

— Вы серьёзно? — удивилась я. — Век высоких технологий на дворе, а вы в детские привороты верите?

— Были бы детские, вы бы не сохли так друг по другу. Не любовь это, дорогуша, никакая. Присушила ты Макса своего к себе, а себя к нему, вот и мааетесь оба. Не было у вас общей судьбы. Ваша любовь ещё тогда закончилась, когда вы в первый раз разбежались. А всё, что было потом — это насилие над вашими душами, которое ты сама же и сотворила. Хоть помнишь, куда яблоко-то спрятала?

— О, вы перешли на «ты», это добрый знак, — попыталась я пошутить, да получилось как-то не особенно смешно. — Помню, конечно. Только выбросила я его. Когда от первой жены Макса письмо получила. Яблоко у меня в шкафу лежало. Сморщилось за три года в сухофрукт, и нитка к нему присохла. Я решила, что раз не сработал приворот, то и незачем сухофрукты на полке с одеждой держать, тараканов подкармливать. Ну и в помойку его отправила.

– Плохо дело... — Маргарита сняла очки и посмотрела на меня в упор. — К сестре моей тебе надо. Я только на картах гадать могу, а она много чего знает и умеет.

– Отворот сделает что-ли?

– Да нет, отворот поверх приворота не делается. Это всё одно, что лечить рану, не снимая повязки, а наклеивая их одну на другую. Тут другое решение надо искать, но я в этом мало что понимаю. Запиши мой телефон и обязательно позвони, если надумаешь избавляться от этой своей любви-нелюбви.

– А если не надумаю?

– Высохните вы оба до смерти. Не будет вам жизни. А когда помрёт один, за ним и второй уйдёт сразу же. Были уже такие случаи, я не из головы всё это беру. Знаешь, сколько молодёжи гибнет от таких вот игр с приворотами? Страсть! Пиши.

Я записала её номер только для того, чтобы попутчица успокоилась. Видно было, что она искренне верит во всю эту чушь и переживает за меня, но я-то не верю. Ну какие привороты? Ну взрослые же люди.

Дальше беседа у нас никак не клеилась, да и время уже перевалило за полночь. Поезд прибывал на нашу станцию в половине восьмого утра, поэтому мы пожелали друг другу спокойной ночи и легли спать. Я до утра так и не смогла сомкнуть глаз, да и Маргарита ворочалась с боку на бок, не находя себе места. Глупо всё это было. И неправда. Нет ни-

какой магии.

С этой мыслью я и попрощалась со своей попутчицей на перроне. Она поехала в свою Масловку, а я — к родителям. Они больше не злились на меня. а даже если бы и злились, мне всё равно некуда больше было идти.

Глава 3

— Мам, а ты в привороты веришь?

— Верю. Отчего ж не верить-то? — мама засунула сковороду с курицей в духовку и прикрутила газ на минимум. — А ты зачем спрашиваешь? Никак муженька своего ненаглядного ворожить надумала?

Она посмотрела на меня так сурово, что даже если бы желание ворожить было, оно бы после такого взгляда непременно исчезло. Эх, знала бы мама, что я в юности вытворяла...

— Да нет, мам. Просто попутчица мне странная попалась. На картах погадала и сказала, что мы с Максом приворожённые. Взрослая женщина, даже пожилая, а верит во всю эту сверхъестественную бредятину. И ты вот тоже...

Мама уронила нож в тазик с картошкой и медленно опустилась на табуретку.

— Ой, беда... А кто ж вас наворожил-то? Кому это нужно было?

— Да никто, мам, — попыталась успокоить я её. Зря вообще затронула эту тему, теперь она мне мозг будет выедать чайной ложечкой, пока до правды не докопается. — Я не верю в привороты. Ерунда это.

— Да нет, не ерунда. Чувяло моё сердце, что неспроста все твои беды и напасти...

Ну вот, началось. Мамин любимый конёк. Теперь полчаса будет перебирать в памяти мои проблемы и примерять их к новой информации. Я вздохнула и подвинула тазик к себе — пусть мамочка фантазирует, а я пюрешку хочу. Картошка сама не почистится.

Пока я слушала теорию о причинах и следствиях собственных неприятностей и превратностей моей судьбы, успела не только картошку поставить вариться, но и накрошить миску салата из огурчиков и редиски. Свои овощи, конечно, лучше магазинных, да где ж осенью редиску достанешь? Это летом родители на даче пахнут, как проклятые, чтобы свеженькое вырастить без всяких там пестицидов и прочей гадости, а сейчас... Сейчас уже всё по ящикам в морозилке разложено и в баночки закатано.

Сколько я не была здесь? Год? Больше? В последний раз приезжала всего на один день. Папа тогда приболел, просил приехать. Боялся, что умрёт, не повидавшись перед смертью с дочкой. Хороша дочка, ничего не скажешь. Они столько для меня сделали, а я удрала от них, перечеркнула всё, да ещё и не один раз. Раньше как-то не задумывалась об этом, а теперь вот совестно стало. Повзрослела наконец-то. В тридцать один год.

— Лизуш, а ты деда Матвея помнишь? — задумчиво спросила мама, которая, судя по нахмуренным бровям, уже пришла к какому-то умозаключению по поводу причин моих бед, и теперь намеревалась наставлять меня на путь истин-

ный.

— Это мужа твоей тётки? — уточнила я. — Я ж только в школу пошла, когда он помер. Не помню, мам. Куклу он мне как-то подарил с розовыми волосами... Даже лица его вспомнить не могу. А что?

— А ты в курсе, отчего он помер? Царствие ему небесное...

— Да ты ж вроде говорила, что от инсульта.

— Ну да, от него... — мама пару минут помолчала, собираваясь с мыслями, а потом выдала: — Приворот его сгубил.

— Мам, ты серьёзно? Где инсульт, и где приворот.

— Его тётка моя Серафима и подружка её Вера обе ворожили. Он на Верке женат был, а к тётке Симе погуливал. Она забеременела, а Верка бесплодной оказалась. Матвей с женой развёлся и тётку мою в жёны взял, потому что шибко правильный был и ребёнка очень хотел. Но начал погуливать к Верке, ведь вроде как любовь-то осталась. Тётка Сима нашла бабку какую-то и заплатила за приворот. Дед Матвей к ней вернулся и в сторону Верки больше не смотрел, но любви всё равно не было. Ругались без конца... А потом Верка нашла ту же бабку и тоже заказала приворот. Не знаю, почему бабка та согласилась на такое, может, на деньги позарилась, кто ж теперь разберёт. Ну, в общем, получилось, что на Матвея два одинаковых приворота одновременно прилипли. Он и начал меж двумя домами ходить, как неприкаянный. Поживёт месяц-два с одной, пока ему тошно не сделается, и к другой бежит. А там то же самое. Запил по-чёрному. Лет

десять туда-сюда бегал, пока однажды с ним ровно посередине меж их домами удар не случился. Вот так-то...

Мама замолчала и одарила меня долгим многозначительным взглядом.

— Ну и зачем ты мне сейчас всё это рассказала? — уточнила я, заранее чувствуя, что ответ меня не порадует.

— К бабке тебе надо. К хорошей бабке, которая разберётся, чего на вас с мужем понакрутили, и поможет снять это колдовство.

— Мам... — начала было я, но её упрямо поджатые губы яснее ясного говорили, что отвертеться у меня не получится. Надо было молчать про попутчицу и её глупости.

— Вечером отец с работы приедет, мы его накормим, всё объясним и поедем в деревню. Я знаю, где та бабка живёт, что Матвея на тот свет отправила ворожкой своей. Она сильная, она тебе поможет.

— Да она померла уж давно наверняка, мам! Сколько лет уж прошло. А если не померла, то в маразме. Не хочу я никуда ехать. Нет никаких приворотов. Сказки это всё.

— А вот и не сказки... — завелась она.

— Да не вернусь я больше к Максусу, мам! — прорвало меня. Хотела с этой новостью до вечера подождать, пока папа с работы вернётся, но не сдержалась. — Я к вам не в гости приехала, а насовсем. Завтра пойду на развод подавать.

— А почему не сегодня?

— Да потому что ЗАГС сегодня не работает, я туда уже

заехала.

— ЗАГС вас не разведёт, в суд надо подавать, — авторитетно заявила мама, заглядывая в духовку.

— Это почему ещё?

— А я больше чем уверена, что муж твой не даст согласия на развод. Где он ещё найдёт такую дурочку, которая будет бегать за ним, как привязанная? И к бабке мы в любом случае поедем, даже не спорь.

Дурочка... Обидно. Зато честно.

— Мам, я спать пойду, — надулась я. — В дороге не спала совсем. А вечером поговорим, ладно?

— А обед?

— Я не голодна.

Не дожидаясь, пока мама начнёт возражать и займётся принудительным откармливанием единственной дочери, я ретировалась в свою комнату. Хотела запереть дверь, но не стала — пусть заходит, если захочет, садится и пилит меня. Я это заслужила.

Но она не зашла. А может и заходила, пока я добросовестно отсыпалась после бессонной ночи. Проснулась уже под вечер от звонка своего телефона. Максим. Отбила звонок, но он позвонил снова. Снова и снова, пока я не выключила телефон, решив завтра же сменить номер.

Ушла — надо рубить все концы. Даже если действительно придётся разводиться через суд. Это безумие давно пора было остановить. Но если бы кто-нибудь знал, чего мне сейчас

стоило отказать себе в желании снова услышать его голос, мне бы памятник воздвигли.

Отец должен был приехать через час, а мама куда-то ушла. Либо в магазин за шоколадным тортиком, какой она всегда покупает по случаю моего приезда, либо в церковь за святой водой и консультацией. С неё станется.

Я немного послонялась по пустой квартире, включила телевизор и села смотреть новости, но прослушала всё, потому что думала о нашем с мамой разговоре. Если честно, я уже и сама начала потихоньку верить в силу своего юношеского баловства с приворотами. По-другому нельзя было объяснить мою странную тягу к мужу.

Любовь? Да не было её уже. Более того, мы были неприятны друг другу, и это даже со стороны было заметно. Как-то недавно один из друзей Макса сказал мне: «Он болен тобой. Неизлечимо. И эта болезнь убивает его». Та же болезнь медленно убивала и меня. Ломала жизнь, крушила надежды и разъедала душу.

Дашка! Её домашний номер был записан в моей записной книжке, которую я оставила пять лет назад в верхнем ящике стола в своей комнате. Дашка всё это затеяла, вот пусть и скажет теперь, как с этим бороться!

Неужели я правда в это верю?.. Либо я окончательно спятила, либо мир перевернулся с ног на уши.

Записная книжка в коричневом кожаном переплёте была

на месте. Я нашла Дашкин номер и включила мобильник, но он тут же разразился бесконечным дилиньканием, принимая пачку сообщений от Макса.

«Прости меня. Это было помутнение какое-то. Такое больше не повторится, клянусь. Вернись, пожалуйста!»

«Лиз, я тебя люблю».

«Мне без тебя плохо».

«Позвони мне, Лиз. Мне нужно услышать твой голос».

«Стерва. Высосала из меня душу и сбежала, да? Или ты квартиру мою к рукам прибрать хотела?»

«Чего молчишь? Я тебя давно раскусил, дрянь!»

«Сунешься ко мне ещё раз — пожалеешь».

«Лиз, ну не молчи, пожалуйста. Не мучай меня».

«Лиз, я так с ума сойду. Ответь хоть что-нибудь».

«Ты забыла свою косметичку».

«Я цветы полил».

«Ну и вали к чёрту! Пиявка проклятая!»

Я читала этот бессвязный поток информации до тех пор, пока на экране не высветилась информация о том, что память телефона переполнена. Обалдеть! Он отправил мне почти три сотни сообщений! И это только те, которые влезли в память, а сколько их там ещё насыплется?

Скорчив брезгливую гримасу, я положила мобильник на стол и пошла звонить Дашке с домашнего.

– Алло? — раздался в трубке знакомый голос, и я вздохнула с облегчением, поскольку опасалась, что стационарный

телефон уже могли отключить за ненадобностью. Век высоких технологий же!

– Даш, привет. Это Лиза Семёнова. Помнишь меня?

– Лиза?.. Лиза... А, Лизка! Привет! Вот уж кого не ожидала услышать! Случилось чего или ты случайно о моём существовании вспомнила? Мы сколько лет-то не виделись? Семь? Восемь? Я слышала, твои предки Олега засудили. Что, так всё плохо было? Нормальный же вроде мужик был?

– Нормальные жён не избивают. Даш, я по делу звоню.

– Ясно. Значит, дружеской болтовни не получится. Ну говори, чего хотела.

– Даш, скажи, а ты всё ещё увлекаешься всей вот этой хиромантией и заговорами?

– Семёнова, тебя муж по голове бил что-ли? Это ж когда было. Я из этого детского сада сто лет назад выросла. А ты чего вдруг вспомнила об этом?

– Да так. Подумалось просто, не могли ли мы с тобой что-нибудь перехимичить.

– Слушай, дорогая. Если у тебя проблемы, то ищи их в себе. Вот эти вот все ахалай-махалаи с колдовством тут вообще ни с какого боку. Это игра была такая, ясно? Все девочки любят играть в сказочных фей и корчить из себя потомственных ведьм. Я наигралась, переросла это. И тебе советую, потому что в тридцатник такие закидоны уже на шизофрению смахивают. Либо расти, либо лечись. И не звони мне больше.

Она повесила трубку, а я почему-то подумала, что не пер-

вая, кто звонит ей с подобными вопросами. С чего бы ещё она так изменилась в голосе? Тогда, в техникуме, Дашка чуть ли каждой девчонке предлагала магические услуги, да и к парням приставала с заговорами на карьеру и богатство. Игра... Видать, доигрались мы все.

Я снова уселась перед телевизором, заставляя себя слушать героев какого-то сериала и не думать о Максе, о приворожках и обо всём остальном. Руки чесались взять телефон и написать мужу, что цветы не надо было поливать, потому что я их полила перед отъездом, а теперь он их залил, и они могут погибнуть. Ещё я хотела написать ему, что завтра подаю на развод. И что ужасно соскучилась, потому что люблю его.

К приходу родителей, а пришли они вместе, я убедилась в том, что поездка к бабушке мне необходима, иначе я сойду с ума. Мама, похоже, уже успела внушить папе то же самое, потому что он не задал мне ни единого вопроса, ни сказал ни слова, а просто сгрёб в охапку прямо в прихожей и не отпускал из своих объятий минут десять, после чего сообщил:

– Я взял два дня за свой счёт. Сейчас поужинаем и сразу поедem, чтобы переночевать там, а с утра пораньше пойти куда надо. Баба Зина с трудом передвигается, но вроде пока ещё занимается своим богохульством, я уточнил. Я, конечно, против всей этой ереси, но раз для дочки...

Глава 4

Чувство протеста зародилось где-то внутри сразу же, как только мы сели в машину, и медленно нарастало по мере приближения к нашей деревне. Когда-то там жили мои бабушка и дедушка, но они перебрались поближе к югу греть свои старые косточки, а домик оставили нам в надежде, что моим родителям рано или поздно захочется спокойной сельской жизни. Теперь там была наша дача, где мама и папа проводили летние вечера, выходные и отпуска.

Я любила эту деревушку, потому что выросла там. До семи лет я практически жила у бабушки и дедушки — свежий воздух, природа... Родители считали, что для меня это полезнее, чем городской смог. Так оно, наверное, и было. Тогда. А теперь у меня было чувство, что меня везут на экзекуцию. Как поросёнка на заклание. Только я не поросёнок, я всё понимаю.

Мне тридцать один год. Я взрослая, самостоятельная женщина. Какого лешего я согласилась на эту поездку? Я же не хочу. Они отнимут у меня Максима! Я треть своей жизни добивалась возможности быть рядом с ним, почему теперь я должна от него отказываться? Он мой муж. Он принадлежит мне, а я ему. Что вообще за привычка вмешиваться в мою жизнь? Я люблю его! Я не хочу в деревню. Не хочу к какой-то там местной колдунье. Хочу к нему! Я хочу быть

рядом с ним!

– Мам, а прямо сегодня нельзя сходить к этой вашей бабе Зине?

Мама сидела на переднем сидении рядом с отцом, а я сзади. Она не повернулась, не посмотрела на меня, зато отец бросил короткий сочувствующий взгляд в зеркало заднего вида. Он даже ответил за неё:

– Мы приедем в десятом часу. Старушке уже почти девяносто. Как думаешь, она обрадуется гостям в это время? С утра пойдём.

Спорить с отцом было бесполезно, он упрямый, и если что-то решил, то решение своё уже не изменит. А я чувствовала, что такими темпами к утру созрею для очередного побега. Головой понимала, что это неправильно, но с каждой минутой внутренний протест всё больше довлел над здравым смыслом.

Странные вообще у меня родители. Воспитаны на советской идеологии, в церковь носа не суют, а по бабкам взрослую дочь таскать горазды. Язычники несчастные. Хотя вроде крещённые и даже меня окрестили. Непонятно только, зачем это было нужно, если все считают себя атеистами.

Я злилась. Весь вечер, всю ночь и дажу ту часть утра, которую мы провели в стенах нашего маленького деревенского домика. А потом у меня началась паника. Хорошо, что у мамы с собой всегда была валерьянка. К тому моменту, как отец нажал кнопку звонка на воротах бабы Зины, я уже бы-

ла спокойна, как удав, и абсолютно равнодушна к происходящему. Только спать очень хотелось.

Я помнила этот дом на окраине деревни. Мимо него мы постоянно бегали в лес за грибами и ягодами. А на лавочке у ворот всегда сидели пушистый рыжий котяра и улыбочивая бабулька, которая угощала нас карамельками. Знала бы, чем эта бабулька занимается, ничего из её рук не взяла бы.

И ведь ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь её ведьмой называл. Удивительно. Обычно такие вещи быстро перерастают в сплетни и суеверный страх. Вот к тётке Клаве, что по соседству живёт, мне ходить запрещали — глазливая она. А про бабу Зину вообще ничего и никогда. Если честно, я думала, что мы к какой-то другой бабе Зине едем.

– Проходите, бабушка вас ждёт, — открыл нам калитку бородатый дядька с большим прыщом на щеке. Внук? А почему бы и нет? Да и какая мне разница? Только вот ходить с таким нарывом на лице, имея такую бабку...

Баба Зина сидела в большом мягком кресле и смотрела телевизор. Время не пощадило её — высушило, изуродовало суставы, испещрило когда-то симпатичное лицо сеткой глубоких морщин. А кожа у неё была жёлтой, что явно говорило о проблемах с печенью. Ну и какая из неё колдунья, если она себе-то помочь не может?

Старушка сощурилась, внимательно оглядела меня с помпона на шапке до заляпаных грязью кроссовок, недовольно поджала губы и отвернулась.

– Это не Марья. Уходите.

– Нет, ба, эти люди за помощью пришли. Я тебе говорил же. Забыла?

Баба Зина даже ухом не повела.

– Вы не переживайте, она сейчас вспомнит, — успокоил нас бородач. — Мы просто сестру мою двоюродную никак найти не можем. Два года уж, как пропала, а она всё ждёт.

– Марья сама явится, я её не жду, — заявила баба Зина, не поворачивая головы. — И помогать этим людям не стану.

– Почему? — мама ахнула, а папа нахмурился и даже вроде как дёрнулся в сторону двери, но я удержала его за руку.

– Не хотите или не можете? — уточнила я у старушки.

Она снова повернулась к нам, но теперь в её бесцветных глазах читалось удивление.

– А ты нахалка... Надо же! Дура, да ещё и наглая. Сама себе беды наделала, а теперь помощи требуешь?

Родители дружно уставились на меня, ожидая ответа. Не собиралась я им ничего про свои подростковые эксперименты с приворотами рассказывать, а эта старушенция всё портит.

– Вы на вопрос не ответили, — упрекнула я бабу Зину, игнорируя подозрительные взгляды родственников. — Не хотите помочь или не можете?

– Мы заплатим, сколько скажете, — вмешалась мама и полезла в сумочку.

– Не нужны мне ваши деньги, — скривилась бабка. — На

чёрный день оставьте, он недалече. Ничего нельзя исправить. Поздно.

Мама побледнела и схватилась за сердце.

— Пап, выведи маму на воздух, — попросила я. — Я сейчас вас догоню.

Отец взял маму под руку и вывел за дверь. Бородатый дядька вышел вместе с ними, чтобы дать маме воды, а я осталась один на один с вредной старушкой.

— Баб Зин, почему поздно? Что я такого сделала?

— А ты яблоки-то для ворожбы где брала?

Знала, куда шла, поэтому удивляться, что старушенция про яблоки знает, смысла не было, но я всё равно удивилась. Как-то до этого момента не слишком верилось в реальность происходящего и в то, что моё приворотное баловство может иметь какие-то последствия.

— Подруга яблоко принесла, — честно призналась бабе Зине, решив идти до конца. — А где она его взяла, я не спрашивала.

— А надо было спросить, — баба Зина ткнула в мою сторону пальцем. — С могилки яблочко-то было.

Я почувствовала, как по спине пополз неприятный озноб. Не то, чтобы я во всё это верила... Или теперь уже верила?

— Знаешь, зачем на кладбище еду оставляют? — продолжала тем временем баба Зина.

— Мертвых поминают, — предположила я.

— Когда поминают, сами едят. А на могилках еду оставля-

ют либо покойникам, либо как милостыню тем, кто за кладбищем смотрит. Твоё яблоко мертвецу было принесено. Да ещё и с подкладом.

– Как это?

– А так. Вот нет у тебя детей и не будет. Свела какая-то женщина беду свою на яблоко и покойнице на могилу принесла с просьбой забрать бездетность. А ты это яблоко украли и сверху ещё и приворот наделала.

– Я не крала. Это Дашка...

– Дашка, Машка, Глашка... Какая разница? Пользовала ты, на тебе и грех. А у покойников красть грешно вдвойне.

– И что теперь делать?

– А ничего ты не сделаешь. Помрёшь ты. Слова заговорные какие были?

– Как сохнет это яблоко... — начала я, но старушка замала на меня руками.

– Всё-всё, хватит. Знаю я дальше. И два имени на бумажке... Ты одна половинка яблока, а милый твой — другая. И нитка красная. Ой, дуры малолетние... Что ж вы творите-то с собой... Ты и твой дружок теперь — это то самое яблочко, с могилки украденное. Ты своей глупостью вас обоих той мертвячке отдала. А покойники своё всегда забирают. И детей на свет не родишь, и оба в могилу ляжете. Скоро. Уходи теперь, устала я.

Она отвернулась и снова уставилась в телевизор, а я стояла на пороге, будто обухом по голове стукнутая. Вот и по-

могла бабка Зина, спасибо. Лучше бы я вообще сюда не ездила.

— Баб Зин, можно ещё один вопрос?

— Четырнадцать прошло, одиннадцать осталось. Уходи, я сказала. А то ещё и порчу на тебя наведу, чтоб побыстрее сгинула. Как вас, дур таких, земля только носит...

Домой в город мы в тот день не поехали — родители решили использовать папины выходные по-полной. Мама занялась обрезкой смородины и крыжовника, а папа взялся чинить забор.

Мы не разговаривали. Точнее, избегали разговора. Я не знала, как оправдать свою глупость с приворотами. Мама, наверное, боялась за своё большое сердце, потому и не хотела поднимать эту тему. Отец... Он разочаровался во мне. Снова. Я видела это по его глазам. Точно так же он смотрел на меня, когда я пять лет назад собирала вещи, чтобы уехать к Максусу.

Они простят, я в этом не сомневалась. Они всегда меня прощают. Только нужно дать им немного времени и не мозолить глаза.

Я и не мозолила. Ушла гулять по любимым местам своего детства — в лес, потом к реке и на ферму, где бабушка когда-то работала дояркой. Добрела до болота, где в это время года всегда было полно клюквы. Собирать её, правда, было не во что, кроме шапки, да я как-то и не имела намерения

заниматься собирательством. Так просто пошла, по старой памяти.

Одиннадцать лет... Неужели всё это правда? Можно было бы позвонить Дашке и спросить про яблоки, но она ясно дала мне понять, что не станет говорить об этом. Позвонить Максусу?

Я соскучилась по нему. Так соскучилась, что готова была снова сесть в поезд, обрекая нас обоих ещё на несколько лет бесконечных ссор. Пока гуляла, перечитала все его сообщения, которые были в телефоне, и те, которые пришли после того, как я почистила память. Их было много. Очень много. Он меня любит. Он меня ненавидит. То зовёт назад, то прокликает. И не звонит, потому что знает, что я не отвечу, но пишет, пишет, пишет...

Со мной происходило почти то же самое, только негатива было поменьше. Я была уверена, что люблю его, а потом начинала перебирать в памяти наши стычки и приходила к выводу, что любить мужа не за что. При разводе такое вроде называют «не сошлись характером», только это явно не наш случай.

Чем больше я об этом думала, тем сильнее убеждалась в ненормальности наших отношений и в том, что это всё — моя вина. Нужно было отпустить Макса тогда, когда мы расстались в первый раз. Ведь я же и сама тогда уже смирилась и решила начать новую жизнь. А после этих дурацких приворотов всё как будто чёрной пеленой накрыло. Мне не ну-

жен был никто, кроме Макса, а ему была нужна только я. Это было неестественно. Говорят, что насильно мил не будешь, так оно и есть. Не милы мы друг другу.

Присев на деревянную скамеечку на берегу реки, я вынула телефон из кармана и нашла в списке контактов номер своей недавней попутчицы.

– Алло, Маргарита? Добрый день! Я не отвлекаю вас от важных дел? Мы можем поговорить?

– А кто это?

– Лиза. Мы с вами в поезде ехали вместе.

– А, королева Елизавета! День добрый! Я и не ждала вашего звонка так скоро.

– Да я спросить кое-что хотела просто. Вот скажите, вы по картам видели, когда я умру?

В трубке на несколько мгновений повисла тишина.

– А почему вы спрашиваете? — раздалось наконец. — Что-то случилось?

– Мы с родителями с утра ездили к бабке одной, она сказала, что я умру через одиннадцать лет.

Снова тишина, а потом:

– Лиза, давайте я вам перезвоню минут через десять, хорошо?

– Ладно, — согласилась я и нажала на кнопку завершения вызова.

Телефон завибрировал в моей руке через пару минут, и я автоматически ответила, даже не посмотрев на номер зво-

нившего.

— Привет, любимая! — раздался в трубке счастливый голос Макса. — Я уж и не надеялся, что ты ответишь. Ты скоро вернёшься? У нас годовщина через неделю, не забыла?

— Макс, я не вернусь, — ответила я через силу, чувствуя, как по щекам катятся слёзы. — Всё это было ошибкой, Макс. Прости.

— Это ты ошибка природы! — неожиданно рявкнул он так громко, что я аж трубку от уха отодвинула. — Что? Муженёк твой первый из тюряги вышел, и ты к нему рванула?

Я отбила звонок и уронила голову на руки. Кошмар какой-то. Телефон снова зазвонил. Снова Макс. И выключить нельзя, потому что Маргарита должна позвонить.

Он трезвонил и трезвонил раз за разом, пока наконец на экране не высветилось «Марго». Я тут же нажала на ответ. Так, наверное, утопающий хватается за соломинку.

— Лизонька, я у сестры. У Ольги. Помните, я вам про неё говорила? Телефон на громкой связи, расскажите всё, что мне рассказывали, и про сегодня тоже. Алло! Вы меня слышите?

— Слышу, — ответила я, шмыгая носом. — Сейчас.

— Вы плачете?

— С мужем поговорила только что, — выдавила из себя я, вытирая слёзы рукой. — С чего начинать?

— С начала ваших отношений, — раздался незнакомый голос. Скрипучий такой, неприятный.

Я почему-то сразу представила себе горбатую ведьму с бородавкой на длинном крючковатом носу, но в моей ситуации было всё равно, кого просить о помощи. Хоть самого чёрта. Выложила всё, как было.

— Плохо дело... — констатировала Ольга сразу после того, как я закончила свои душевные излияния. — Когда вы сможете ко мне приехать?

— А вы поможете?

— Пока не знаю, но я хотя бы попытаюсь, — честно ответила женщина.

— Завтра или послезавтра удобно будет? — уточнила я, ни секунды не сомневаясь в том, что поеду.

— Приезжайте, я буду ждать, — ответила она.

Я хотела спросить, сколько будут стоить её услуги, но не успела — телефон благополучно разрядился. Хорошо ещё, что не на середине разговора.

Нужно было как-то сказать родителям о предстоящей поездке, но как? Они же мне не поверят. Решат, что я снова бегу к Максиму. Да какая разница? Пусть думают, что хотят. Не прикуют же они меня на цепь, чтобы не сбежала? Я уже большая девочка, способная самостоятельно принимать решения. Ещё бы научиться не плакать, как маленькая, по каждому поводу.

Глава 5

— Лизуш, дочка, приезжай, пожалуйста. С Максимкой беда...

Чёрт меня дёрнул ответить на вызов с незнакомого номера за полчаса до отправления автобуса в Масловку! Ну почему у меня всегда всё через пятую точку? И ведь специально же не со своего телефона звонит.

– Тамара Борисовна, я позавчера Максусу всё сказала. Я не приеду больше. Я на развод подаю.

Не знаю, показалось мне или нет, но на другом конце связи послышался всхлип. Да быть такого не может! Чтобы мою свекровь до слёз довести, это надо сотню индийских фильмов одновременно ей показать.

– Он в больнице... В реанимации... Сказал, что жить без тебя не хочет...

Она плакала. Правда плакала. А я стояла посреди автовокзала и в ужасе смотрела на мать, которая решила проводить меня и удостовериться, что я еду не к мужу, а действительно в Масловку к знахаркам.

– Я приеду, тётъ Том. Завтра буду дома.

Лицо мамы пошло красными пятнами. Она ни слова мне не сказала, только смерила с головы до ног презрительным взглядом, развернулась и ушла. А ведь мы только вчера вечером с ней помирились. Я разве что голову пеплом не по-

сыпала, чтобы вымолить её прощение. Отец всё ещё сердился, а мама вроде как оттаяла. Только вот слово с меня взяла, что я больше с Максом встречаться не буду, пока с приворожками этими дурацкими не разберусь. А теперь...

А что теперь? Теперь надо брать билет на поезд и ехать. Не знаю, что там сотворил с собой мой драгоценный муженёк, но раз уж я сама всю эту кашу заварила, то и разгребать её мне.

Через двадцать минут я стояла у железнодорожной кассы, принимая из рук улыбчивой кассирши билет и свой паспорт. К счастью, поезд отправлялся через два часа, и мне не нужно было придумывать, где скоротать день — я купила журнал с кроссвордами, беляш и уселась в зале ожидания.

— Маргарита, здравствуйте, — извиняющимся тоном пробормотала я в трубку, вспомнив, что надо предупредить тёток, что я не приеду. — У меня тут кое-какие обстоятельства возникли... В общем, я не смогу приехать. Позвоню, когда разберусь с проблемами. Можно?

— Да, конечно, Лиза. Надеюсь, ничего серьёзного?

— Муж пытался себя на тот свет отправить, а в остальном всё замечательно.

— Как на тот свет?

— Я не уточняла. Мне свекровь позвонила.

— Может, она врёт?

— Хотелось бы мне, чтобы так оно и было, но нет. Уверена, что она не соврала. Вы уж извините, что так вышло. Я

обязательно приеду, но позже.

– Хорошо, я скажу Ольге. Ох... Даже и не знаю, чего в таких случаях желают.

– Да ничего не надо желать. Спасибо за понимание. Я перезвоню.

Снова поезд. Снова зонтики за окном и мокрый перрон. В этот раз я решила не тратиться на комфорт и взяла нижнюю полку в плацкарте. Боковую, потому что других за пару часов до отправления уже не осталось. Это мне ещё и повезло — когда все пассажиры сели в вагон, свободным осталось только верхнее боковое место возле туалета.

По проходу туда-сюда бегали дети. За ними гонялись, извиняясь налево и направо, мамыши. Отовсюду пахло варёными яйцами, жареной курицей и свежими огурцами.

Я улыбнулась, вспомнив, как однажды много лет назад мы ездили с мамой к морю. Тоже в плацкарте. С картошкой, яйцами, курицей и огурцами, которые мама выложила на стол сразу же после того, как проводница забрала билеты. Это было забавно, потому что мы плотно пообедали прямо перед тем, как ехать на вокзал. И все так делали. Всегда. Куда бы и когда я ни ехала. Только сели в поезд — сразу надо есть.

Маргарита тоже кормила меня пирожками почти сразу после отправления. Я подозрительно покосилась на соседа с верхней полки, который сидел напротив меня по другую сторону столика и рылся в своей спортивной сумке — неужели

тоже сейчас еду достанет? Не то, чтобы меня это сильно заботило, просто я вдруг почувствовала, что ужасно проголодалась. Видимо, съеденный на вокзале беляш уже успел перевариться.

– Чай будете? — поинтересовалась проводница где-то у меня над головой.

– Да, спасибо, — кивнула я.

– С лимоном?

– Нет, просто чёрный с сахаром.

– Тогда двадцать пять рублей. А вы? — она перевела свой взор на моего соседа.

– Нет, спасибо, — ответил он, не поднимая головы.

– Значит, один чёрный с сахаром. Чьи дети бегают? — гаркнула проводница так, что у меня зазвенело в ушах.

Откуда-то со стороны туалета прибежала взъерошенная мамочка, изловила своих хохочущих пострелят, извинилась и скрылась в обратном направлении.

– Чай будете? — раздалось дальше по проходу.

– Печенье, шоколад, напитки... — донеслось с противоположной стороны.

Середина дня... Я подумала, что если так будет продолжаться и дальше, то к вечеру от моей нервной системы вообще ничего не останется. А выходить мне только в три часа ночи.

– Извините, вы ложиться не планируете? Не против, если я тут немного поработаю? — поинтересовался сосед, выудив

наконец-то из сумки планшет и толстый блокнот.

Я пожалала плечами и уставилась в запотевшее окно, по которому снаружи стекали капли дождя. М-да, не видно, как говорится, ни зги.

В купе через проход дородная тётка прицепилась к мужчине средних лет, рассказывая ему о своих больных суставах и откровенно намекая на необходимость поменяться местами, поскольку билет у неё явно был на верхнее. Увы, нижнее место напротив мужчины занимала его благоверная, которая сочла своим долгом рассказать попутчице о болезнях своего мужа, категорически отрицающих возможность карабкаться наверх. Пока они спорили, парень со второй верхней полки застелил постель на своём месте и улёгся поверх одеяла, заткнув уши наушниками. Самый разумный человек.

– Ваш чай, — на столике передо мной образовался стакан в железном подстаканнике.

Сосед задумчиво посмотрел на дребезжащую посудину с кипятком и предусмотрительно передвинул планшет поближе к себе. Правильно сделал. Знал бы, насколько я криворукая, вообще убрал бы технику со стола.

Я вдруг поймала себя на том, что откровенно разглядываю попутчика. Внаглую, можно сказать. На моё счастье, он был всецело поглощён своей работой и вроде бы не заметил, что я подвергла его пристальному осмотру.

Рыжий, как медь. Россыпь конопушек по всему лицу и даже на руках. А мой Макс брюнет. Сколько этому? Явно стар-

ше меня. Лет тридцать пять или даже больше. А Макс мой ровесник. Пальцы короткие и... мужицкие какие-то. У Макса пальцы красивые, длинные, изящные. И уши правильной формы, аккуратные, а этот лопоухий. Губы пухлые, как у ребёнка. Нос картошкой. Нет, всё-таки в плане мужской привлекательности мой муж намного круче. И глаза у Макса голубые, а у этого...

А «этот» уставился на меня в упор и, судя по весёлым чёртикам в серых глазах, всюю потешался над тем, как я изучаю его, будто луковую кожуру под микроскопом.

— Вас лично я раздражаю или все рыжие в целом? — улыбнулся он мне, продемонстрировав щербинку между верхними зубами. А у Макса зубы... Да что ж за наваждение-то такое?!

— Простите, — буркнула я, чувствуя, как лицо заливают краска стыда. Даже кончики ушей гореть начали.

— Да ничего, — снова улыбнулся попутчик. — Я уже привык. Работа у меня такая, располагающая к неприязни. Только обычно брезгливость проявляется после того, как люди узнают о моей профессии, а с вами мы незнакомы.

— Ассенизатор что-ли? — скривилась я.

— Хуже. Судебно-медицинский эксперт.

— Фу... — скривилась я ещё сильнее.

— Ага, — кивнул он. — Вот теперь брезгливое выражение вашего лица соответствует ситуации.

— А сколько вам лет? — удивилась я. — Это же медицин-

ская профессия, на неё лет десять учиться надо.

— Ну, не десять, чуть поменьше, но я всё ещё учусь. Повышаю квалификацию параллельно с работой. Сейчас вот на конференцию еду. А лет мне сорок два. Можете ничего не говорить, я и так знаю, что выгляжу моложе. Это у нас семейное.

— Ясно.

— А вот вам что-то около тридцати, но выглядите вы гораздо старше, — заметил он. — Неприятности?

— Последние четырнадцать лет, — честно ответила я.

— Сильно, — хмыкнул мужчина, выключая планшет. — Хотите об этом поговорить?

— Вы на психолога что-ли квалификацию повышаете?

— Значит, не хотите, — он снова улыбнулся и спрятал планшет с блокнотом обратно в сумку. — Тогда я полез наверх, не буду вам мешать.

— Да вы и не мешали...

Он зашвырнул вещи наверх и скрылся с глаз, а снова принялась копаться в себе. Ну вот с какого перепугу мне приспичило сравнивать незнакомого человека с Максом? Зачем? А если уж приспичило, то могла остановиться на цвете волос. Так ведь нет же, даже аккуратно остриженные ногти на пальцах разглядела и рыжую щетину на физиономии. Патологоанатом... Фу, гадость какая.

— Тётя, а у тебя есть конфетка? — пухлая детская ручка подёргала меня за рукав.

– Максим! Отстань от тёти! А ну иди сюда!

Я приподняла бровь и удивлённо воззрилась на краснощёкого белобрысого карапуза в полосатом свитере. Ну какой из него Максим? Федя или Миша... Боря... Но имя Максим ему точно не идёт. Максим должен быть высоким, темноволосям, элегантным... А мне пора снова топать к психиатру, потому что, похоже, у меня навязчивые мысли. Или для приворожённых это норма?

Сложив руки на столе, я улеглась на них, устало прикрыла глаза, а когда разлепила веки, была уже ночь. Часы показывали начало третьего, шея и спина ныли нестерпимо, а в вагоне стояла блаженная тишина, нарушаемая лишь храпом из купе напротив.

– Вы зря сидя спите, это вредно, — прошептал рыжий патологоанатом, сползая вниз.

– Жизнь вообще штука вредная, от неё люди умирают, — недовольно пробормотала я, потирая затёкшую шею.

– Логично, — согласился он. — Только вам ещё умирать рано, поэтому советую побереечь себя.

– Ну, последний десяток я и с больной спиной как-нибудь перекантуюсь, — я потянулась до хруста в позвоночнике и наткнулась на его недоумевающий взгляд. — Что?

– Почему десяток? У вас онкология?

– Нет.

– Тогда откуда такая уверенность, что этот десяток последний?

— Ведьма одна старая предсказала, — брякнула я. — Не берите в голову. Вы в туалет пойдёте? А то мне умыться надо, я выхожу скоро.

— Потихе можно? — прошипел женский голос откуда-то сбоку.

Я вопросительно уставилась на попутчика, кивая в сторону туалета. Он ответил мне приглашающим жестом из разряда «дамы вперёд». Надо же, учтивый какой...

Когда я вернулась, он уже сидел одетый в светлую ветровку, прихлёбывая горячий чай. Никак ещё и на одной станции со мной выходить собрался. Хотя мне-то какая разница? Мне домой надо. У меня муж в больнице, а в квартире, небось, свекровь сидит вся на иголках и ждёт моего приезда.

Мы даже не представились друг другу, так и разбежались на перроне каждый в свою сторону. Патологоанатом в одну, а я в другую. Правда, мне нужно было в ту же сторону, что и ему, а именно — на стоянку такси, но я почему-то предпочла удрать, спрятаться за углом и дожидаться, пока он уедет. Он меня пугал. Не знаю почему, но в нём чувствовалась какая-то угроза. Не лично мне, а в общем.

Тамара Борисовна действительно ждала меня в нашей с Максом однокомнатной квартире. Я не говорила точно, когда приеду, но ничего другого от неё ожидать и не следовало. Женька, младший брат Макса, хитрый, он в другой город свинтил, подальше от мамочкиной заботы, а Макс — нет.

Макс не мог. Мама была для него всем.

Она одна их растила, без мужа. Вся любовь старшенькому, первенцу. А Женька вечно как отщепенец. А потом плюнул на всё и уехал к своей девушке во Владивосток, да так там и остался. Это было ещё тогда, когда Макс на Маринке женат был. Вот с тех пор Тамара Борисовна старшего сына и тютюшкала, как единственного.

Как-то раз Марина пришла к Максиму по поводу алиментов, а он на работе был. Мы посидели с ней в кухне, спокойно поговорили. Не такой уж и стервой она мне показалась, как её Макс с мамой расписывали. А после того, как она мне рассказала, что Тамара Борисовна после рождения внука чуть ли не поселилась у них в «однушке», я ей даже сочувствовать начала, хотя до этого ревновала так, что готова была глаза выцарапать.

В нашей с Максимом жизни свекрови тоже было слишком много. Чересчур. Она и меня жить учила, и его. Самое гадкое, что он послушался её совета не общаться с собственным ребёнком. Дескать, лучше пусть у мальчика вообще отца не будет, чем вот так. Она сама сыновей подняла, и Марина справится. И от алиментов отмазываться тоже она его надоумила. Ну да и Бог ей судья. Не об этом в сложившихся обстоятельствах думать нужно было.

– Тамара Борисовна... — я потрясла свекровь за плечо.

– А? — вскинулась она и часто заморгала, стряхивая остатки сна. — Ой, Лизуш... А ты когда приехала? Ночь же

на дворе.

– Я сказала, что приеду, вот и приехала. Какая разница, когда я это сделала? Или я не вовремя?

– Почему ты злишься?

– Да потому что надоело это всё. Что с Максом?

– Ой, Лизонька... — она уронила лицо в ладони и заплакала навзрыд.

– Да что случилось-то?

– Ты уехала, а он... Он как с цепи сорвался. На меня кричал, тебя проклинал, а потом... Ой... Они так напились все...

– Напились? — у меня глаза полезли на лоб.

– Я не знаю, где они эту бормотуху купили, но Максимке так плохо стало... Другим ничего, а его в больницу увезли с отравлением... В реанимацию...

– То есть, вы позвонили мне потому, что Макс напился? — холодно осведомилась я, не веря своим ушам.

– Ему так плохо, Лизуш...

– Вы издеваетесь? Я думала, он руки на себя наложить решил...

– А ты этого хочешь, да? — накинулась на меня свекровь. — Этого добиваешься? Мало тебе было один раз ему душу наизнанку вывернуть, ещё захотелось? Не добила, да? Мстишь за то, что он тогда тебя бросил?

– Я поняла, у вас это семейное... — констатировала я, стаскивая с себя куртку.

– Что именно? — с вызовом подбоченилась Тамара Борисовна.

– Резкие перепады настроения от любви к ненависти.

– Максимка тебя любит! Всю жизнь любит!

– Вы если будете так орать, соседей всех перебудите.

– И буду! Пусть слышат, какая у меня невестка бессердечная!

– Пока что они слышат, какая у меня свекровь неуравновешенная, — спокойно заявила я и, убедившись, что Тамара Борисовна от гнева потеряла дар речи, ушла в кухню ставить чайник.

– Чтоб завтра духу твоего здесь не было! — завопила она мне вслед.

– Ну уж дудки. Я вам не футбольный мячик, который можно туда-сюда пинать. Я подожду, пока Макс выйдет из больницы, мы полюбовно подадим заявление на развод, а потом я выпишусь и уеду.

– Развод? Ты совсем с ума сошла? Хочешь окончательно моего мальчика добить?

Я тяжело вздохнула и устало посмотрела на свекровь. Ну вот что толку объяснять ей, что её мальчику уже за тридцатник перевалило? Добить его... Ага, это ещё вопрос, кто кого первым добьёт. Я неслась сюда, думая, что всё совсем плохо, а «её мальчик», оказывается, изволил напиться до отравления. Ещё и я в этом виновата.

Нет, я безумно рада, что Макс всего лишь напился, а не

надумал глупость какую-нибудь. Правда рада. Будто камень с души упал. Но предел-то этому когда-то должен быть? Как бы сильно мы не любили друг друга... Ну не можем мы жить вместе! Вот как это ей втолковать? Она же слышать ничего не хочет. Я вообще не понимаю уже, чего они оба от меня хотят.

— Мы разведёмся, и это не обсуждается. Хоть плачьте, хоть материтесь, хоть проклинайте меня, мне уже всё равно. Я с вашим сыном жить не буду.

С минуту свекровь сверлила меня ненавидящим взглядом, а потом уселась в прихожей на тумбочку и принялась натягивать на ноги свои высокие сапоги.

— Вызови мне такси, я здесь больше ни на секунду не останусь.

— Вот и славно, — я облегчённо вздохнула и достала мобильник из заднего кармана брюк. — Привет Максиму передайте. Пусть поправляется побыстрее, а то я тоже не хочу задерживаться тут дольше необходимого.

Она ушла, громко хлопнув входной дверью, а я рухнула на табуретку в кухне, не зная, смеяться или плакать. Обалдеть! Я ведь могла по телефону спросить у неё, что случилось с Максимом, а потом спокойно сесть в автобус и поехать, куда собиралась. Ещё и Маргариту расстроила, ляпнув ей про суицид. Ну почему я сначала делаю, а потом думаю? Ау! Здравый смысл! Ты где? Ты мне нужен.

Глава 6

Той ночью мне снова приснился сон, который всегда действовал на меня умиротворяюще. Лес, озеро, большой деревянный дом на берегу. Толстый чёрный лабрадор на крыльце приветливо машет хвостом. Рядом с домом большая клумба неправильной формы, на которой буйно цветут розы. Мы стоя качаемся на качелях — с одной стороны девочка лет двенадцати в белом платице до колен и с милыми тёмными кудряшками, обрамляющими худенькое личико, а с другой стороны я. Мы смеёмся, и мне так легко, как будто я снова очутилась в детстве.

– Когда ты будешь здесь жить, мы будем гулять вместе каждый день, — говорит мне девочка.

– Я не могу здесь жить, — возражаю я. — У меня есть свой дом. И любимый человек, который меня ждёт.

– Вы вместе будете здесь жить, — улыбается девочка. — Тебе нравится мой дом?

– Да, он такой большой и красивый! Я бы тоже хотела жить в таком. Вместе с Максимом.

– У вас будет такой же. У тебя, и у него. Мне грустно здесь одной, а когда вы придёте, будет весело.

– А ты разве одна живёшь в этом большом доме?

– Пока да, но скоро мама будет жить рядом. Я жду её. Она уже в пути. И тебя я тоже жду.

– Но я даже не знаю, где находится это чудесное место, — смеюсь я. — Как я найду дорогу?

– Ты уже идёшь по ней. Не бойся, ты не заблудишься. Твоя дорога ведёт к моему дому. Она одна, на ней нельзя заблудиться.

– А как тебя зовут, девочка?

– Ида. Ты разве не помнишь?

– Нет.

– Это ничего. Здесь всё равно нет имён. Они не нужны. Они только мешают. Хочешь конфету? У меня много конфет. И игрушек много. Пойдём, я тебе покажу.

Качель исчезает, и мы оказываемся внутри дома. Окон нет, но в просторной комнате всё равно светло, как днём. Стены затянуты белым атласом с кружевами, и повсюду расставлены, разложены и развешаны на гвоздиках мягкие игрушки — плюшевые мишки, зайчики, собачки, солнышки, божьи коровки... Посередине комнаты прямо на покрытом мягким белым ковром полу висит горка конфет, а рядом россыпью лежат разные фрукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.